

Научная статья
 УДК 101.1(470+571)
 DOI: 10.46724/NOOS.2026.1.80-86

С. А. Митрофанова

А. Н. СКРЯБИН И РУССКИЙ КОСМИЗМ: ИДЕЯ ВСЕЕДИНСТВА ЧЕЛОВЕКА И ВСЕЛЕННОЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию философско-музыкального наследия А. Н. Скрябина в контексте русского космизма. Цель работы — выявить механизмы реализации идеи всеединства человека и Вселенной в творчестве композитора и показать его роль как связующего звена между религиозно-философским и художественным направлениями космизма. В отличие от естественнонаучного крыла, Скрябин воплощает антропокосмическую модель не через рациональное познание, а через художественный образ и субъективное переживание, что позволяет говорить о нем как о создателе особого — музыкально-мистического — направления космизма. В статье анализируется эволюция композитора от фортепианных миниатюр к «Мистерии» как путь расширения сознания индивидуального «Я» до вселенского масштаба. Особое внимание уделяется новаторству Скрябина в области синтеза искусств: светозвуковая гармония рассматривается не как эстетический эксперимент, а как способ моделирования «одухотворенного космоса» и инструмент теургического преображения реальности. Выявлены глубокие параллели между философскими записями Скрябина и ключевыми концепциями Н. Ф. Федорова, Вл. С. Соловьева, а также учением Живой Этики. Делается вывод, что Скрябин не просто иллюстрировал идеи космистов, но создал самостоятельную художественную вселенную, где музыка становится языком ноосферного сознания, а композитор — проводником между мирами. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее выводов для дальнейшего изучения ноосферной динамики культуры и роли искусства в эволюции человечества.

Ключевые слова: русский космизм, всеединство, ноосферная культура, А. Н. Скрябин, антропокосмизм, синтез искусств, светомузыка, теургия, «Прометей», Мистерия, символизм, кристалл сознания.

Ссылка для цитирования: Митрофанова С. А. А. Н. Скрябин и русский космизм: идея всеединства человека и Вселенной // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 80—86.

Original article

S. A. Mitrofanova

A. N. SCRIBIN AND RUSSIAN COSMISM: THE IDEA OF THE UNITY OF MAN AND THE UNIVERSE

Abstract. This article explores the philosophical and musical legacy of A. N. Scriabin in the context of Russian cosmism. The aim of the work is to identify the mechanisms for implementing the idea of the unity of man and the Universe in the composer's work and to show his role as a link between the religious-philosophical and artistic directions of cosmism. Unlike the

natural-scientific wing, Scriabin embodies the anthropocosmic model not through rational cognition, but through artistic imagery and subjective experience, which allows us to speak of him as the creator of a special — musical-mystical — direction of cosmism. The article analyzes the composer's evolution from piano miniatures to the “Mysterium” as a path of expanding consciousness from the individual “Self” to a universal scale. Special attention is paid to Scriabin's innovation in the field of art synthesis: lightsound harmony is considered not as an aesthetic experiment, but as a way of modeling a “spiritualized cosmos” and an instrument for the theurgic transformation of reality. Deep parallels are revealed between Scriabin's philosophical notes and the key concepts of N. F. Fyodorov, Vl. S. Solovyov, as well as the teachings of Living Ethics. It is concluded that Scriabin not only illustrated the ideas of the cosmists but created an independent artistic universe where music becomes the language of noospheric consciousness, and the composer — a conduit between worlds. The practical significance of the work lies in the possibility of using its conclusions for further study of the noospheric dynamics of culture and the role of art in the evolution of humanity.

Keywords: Russian cosmism, unity, noospheric culture, A. N. Scriabin, anthropocosmism, synthesis of arts, light-music, theurgy, “Prometheus”, Mysterium, symbolism, crystal of consciousness.

Citation Link: Mitrofanova S. A. (2026) A. N. Scriabin and Russian cosmism: the idea of the unity of man and the Universe, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 80—86.

Постановка проблемы, ее актуальность, новизна. На рубеже XIX—XX веков в России сложился уникальный феномен — русский космизм, который объединил ученых, философов и художников в стремлении осмыслить место человека в мироздании. Однако если естественнонаучное крыло (К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский) искало пути практического освоения космоса, а религиозно-философское (Н. Ф. Федоров, Вл. С. Соловьев) разрабатывало метафизику всеединства, то художественное направление долгое время оставалось в тени исследовательского внимания¹. Между тем именно в искусстве — наиболее чутком индикаторе мировоззренческих сдвигов — идеи космизма получили наиболее интуитивное и эмоционально насыщенное воплощение.

Актуальность обращения к творчеству А. Н. Скрябина сегодня обусловлена не только возросшим интересом к наследию Серебряного века, но и глубинным родством его идей с современными поисками целостного мировоззрения. В эпоху экологического кризиса, утраты духовных ориентиров и фрагментации знания концепция всеединства, разработанная космистами и воплощенная Скрябиным, приобретает особое звучание. Композитор предлагает не абстрактную теорию, а живую практику — путь художественного преображения реальности, где искусство становится теургией, то есть богочеловеческим действием. В этом контексте скрябинский хронотоп, разворачивающийся от микрокосмоса души к макрокосмосу Вселенной, может рассматриваться как модель ноосферной культуры будущего, где наука, философия и искусство сливаются в едином акте творения.

---

¹ Среди релевантных исследований художественного русского космизма можно назвать [Трифонов, 2011; Шапошникова, 2013; Гачева, 2020; Соколов, 2021; Назаров, 2023].

Новизна данного исследования заключается в отказе от традиционного рассмотрения Скрябина лишь как композитора-новатора. Мы предлагаем взглянуть на него как на целостного мыслителя, чье творчество представляет собой самостоятельную ветвь русского космизма — музыкально-мистическую. В работе впервые системно анализируется, каким образом философские категории (всеединство, София, теургия) трансформируются в конкретные музыкально-выразительные средства: гармонию, ритм, фактуру, а также в новаторскую идею светозвукового синтеза.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении понимания взаимосвязи эстетики символизма и философии космизма. Практическая значимость определяется возможностью использования выводов в междисциплинарных исследованиях культуры, а также в разработке концепций современного синтетического искусства.

Антропокосмизм как мировоззренческая основа творчества А. Н. Скрябина. В центре философии русского космизма лежит антропокосмический принцип: человек не противопоставлен Вселенной, а является ее неотъемлемой частью и активным участником эволюции. Этот принцип, сформулированный еще античными мыслителями и развитый в трудах Н. Ф. Федорова и Вл. С. Соловьева, у Скрябина обретает новое, экзистенциальное измерение. Для композитора связь человека и космоса — не отвлеченная идея, а непосредственное переживание, доступное художнику в моменты творческого экстаза. Его знаменитая фраза о том, что «в твоём микрокосмосе отражается вся Вселенная» [Чупахина, 2009: 21], фиксирует не просто философский тезис, а интимное знание, добытое в опыте внутреннего созерцания.

Здесь важно подчеркнуть принципиальное отличие Скрябина от представителей естественнонаучного космизма. Если для Циолковского космос — это физическое пространство, которое предстоит заселить, а для Вернадского — сфера планетарного разума (ноосфера), то для Скрябина космос — прежде всего духовная реальность, постигаемая не через телескоп или микроскоп, а через углубление в собственное сознание. Его «путешествия» в иные миры — это не научная фантастика, а практика «кристалла сознания», как называл это сам композитор. Исследователи отмечают его необычайные способности к ясновидению и яснослышанию², которые позволяли ему, по выражению Л. В. Шапошниковой, черпать вдохновение из «Высшего мира» и переводить его язык в земные музыкальные формы [Шапошникова, 2001: 207].

Эволюция творчества Скрябина наглядно демонстрирует этот путь расширения сознания. Ранние сонаты — это еще «состояние души», психологические этюды. Но уже в Третьей сонате намечается прорыв: индивидуальные переживания начинают звучать как голос космической стихии. В «Поэме экстаза» (1908) композитор достигает новой ступени: здесь, по точному замечанию Г. Г. Нейгауза, воплощается «вселенское общение» (цит. по: [Чупахина, 2009: 22]). Музыка перестает быть выражением эмоций отдельного человека — она становится языком самой Вселенной, где «ключ в беспредельное, вечное» находится «в твоём сердце» [Чупахина, 2009: 21]. Это удивительное совпадение

² Бандура А. И. Александр Николаевич Скрябин. Мистика творчества и магия светозвука. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theosophy.ru/lib/skr.htm> (дата обращения: 15.12.2025).

с евангельской максимой «Царствие Божие внутри вас» не случайно: космизм Скрябина глубоко укоренен в христианской традиции, но переосмысленной через призму новейших теософских исканий.

Таким образом, можно утверждать, что Скрябин создает особую — художественную — версию антропокосмизма. Если Федоров призывал к физическому воскрешению предков и регуляции природы, то Скрябин предлагает путь эстетического преобразования. Человек у него становится демиургом, творцом, способным силой искусства гармонизировать хаос бытия. Эта активная, созидательная роль человека в «одухотворенном космосе» [Томша, 2016: 235] — пожалуй, самый ценный вклад Скрябина в развитие идей космизма.

Симметрия и синтез: музыка как модель всеединства. Одной из ключевых идей русского космизма, особенно разработанной Вл. С. Соловьевым, является концепция всеединства — органической целостности мира, где все элементы взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга. Для Скрябина эта идея стала не просто философской абстракцией, а руководством к действию. Всю свою жизнь он стремился преодолеть разобщенность видов искусства, чувств и, в конечном счете, самого бытия. Его творчество — это грандиозная попытка восстановить нарушенную «полноту времен и переживаний» [Лосев, 1990: 263—264].

Наиболее ярким воплощением этого стремления стал синтез звука и света. В партитуре «Прометей» (1910) Скрябин вводит специальную строку «Luce» (свет), предназначенную для не существовавшего тогда инструмента — световой клавиатуры. Важно понимать, что это не был внешний, декоративный эффект. Композитор исходил из глубокого философского убеждения в единстве волновой природы всех явлений: «звук является цветом, а цвет — звуком» [Узикова, 2016: 246]. Эта идея перекликается не только с античными представлениями о «гармонии сфер», но и с новейшими научными открытиями того времени в области оптики и акустики. Скрябин интуитивно предвосхитил то, что позже будет доказано физикой: свет и звук — это лишь разные частоты колебаний единой энергетической субстанции.

Символично, что для своего главного «светозвукового» произведения Скрябин выбирает сюжет о Прометее — титане, подарившем людям огонь. Огонь в космистской традиции — это не просто физическая стихия, но символ творческой энергии, божественного духа, преобразующего материю. «Прометеев аккорд» — знаменитое шестизвучие, лежащее в основе поэмы, — становится для композитора своего рода «музыкальной формулой» космоса. Как справедливо отмечает А. И. Бандура, появление этих новых, симметричных ладов было результатом не умозрительных рассуждений, а «созерцания глубин звучащей тишины»³.

Ритм в музыке Скрябина также обретает космическое измерение. Композитор понимал, что пульсация, вибрация пронизывает все уровни бытия — от биения человеческого сердца до вращения галактик. Его музыкальные ритмы часто выходят за пределы традиционной метрики, становясь отражением «космических ритмов Вселенной» [Узикова, 2016: 246]. В этом контексте Скрябин

---

³ Бандура А. И. Александр Николаевич Скрябин. Мистика творчества и магия светозвучия. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theosophy.ru/lib/skr.htm> (дата обращения: 15.12.2025).

выступает не просто композитором, а своеобразным «акустиком» мироздания, улавливающим и переводящим в звук те вибрации, которые обычно недоступны человеческому уху. Его творчество становится моделью всеединства: в нем гармонически сочетаются звук и свет, ритм и цвет, человеческое и космическое.

София и эсхатология: «Мистерия» как итог космистских исканий. Центральной категорией русской религиозной философии, оказавшей глубокое влияние на мировоззрение Скрябина, была София — Премудрость Божия, понимаемая Вл. С. Соловьевым и его последователями как идеальная основа мира, «душа мира», связующее звено между Творцом и творением. Как отмечает Т. И. Чупахина, в произведениях композитора «прослеживаются идеи всеединства человека, человечества и Вселенной», где София предстает «основой единства и развития не только Космоса, но и рода человеческого» [Чупахина, 2009: 22—23]. Однако у Скрябина эта абстрактная философия обретает конкретное художественное воплощение не через оперные образы (которых он не создавал), а через всю образно-смысловую структуру его симфонических и фортепианных полотен. Софийное начало проявляется у него как идеал преображающей любви и красоты, которые должны гармонизировать хаос и привести мир к духовному преображению. В программных комментариях к «Поэме экстаза» и «Прометею», а также в сохранившихся философских записях композитор постоянно обращается к теме Любви как всеисильной космической энергии, соединяющей индивидуальное с вселенским. В этом контексте «божественная искра вдохновения», заложенная в сердце каждого человека [Узикова, 2016: 244], может быть понята как отражение софийного света в человеческой душе. Таким образом, идея Софии у Скрябина трансформируется в идею творческого акта как теургического действия, где художник, уподобляясь Демииургу, преображает материю силой духа и любви.

Подлинным итогом космистских исканий Скрябина стал замысел «Мистерии» — грандиозного синтетического действия, в котором должны были объединиться все виды искусств и принять участие все человечество. Этот замысел часто называют утопическим, но, на наш взгляд, его следует рассматривать как логическое завершение всей философии космизма. Если Федоров мечтал о «регуляции природы» и «общем деле» воскрешения предков, то Скрябин предлагает свой вариант «общего дела» — эстетическую литургию, способную преобразить мир. Исполнение «Мистерии» должно было, по мысли композитора, привести к «гибели» материального мира как косной, инертной субстанции и торжеству мира духовного, одухотворенного. Как пишет Л. В. Шапошникова, смысл «Мистерии» состоял в «соединении миров различных состояний материи» [Шапошникова, 2001: 214].

Для этого действия Скрябин мечтал построить сферический храм в Индии, который «в сознании участников должен был превратиться в большую Вселенную» [там же: 214]. Выбор Индии не случаен: эта страна воспринималась в кругах русских космистов и теософов как хранительница древней сокровенной мудрости. Сферическая форма храма также глубоко символична: шар — идеальная геометрическая фигура, символ всеединства, не имеющий ни начала, ни конца. В этом замысле Скрябин предвосхищает многие идеи XX века — от хэппенингов и перформансов до глобальных телекоммуникационных проектов, объединяющих человечество.

В конечном итоге, «Мистерия» осталась незавершенной (композитор успел написать лишь «Предварительное действие»). Однако сам факт ее замысла чрезвычайно важен. Он показывает, что Скрябин мыслил категориями планетарного, космического масштаба. Он не просто сочинял музыку — он создавал новую реальность, новую космогонию. В этом смысле его можно поставить в один ряд с такими фигурами, как Данте, создавший в «Божественной комедии» целостную картину мироздания, или Вагнер с его идеей *Gesamtkunstwerk*. Но Скрябин идет дальше: его «Мистерия» должна была стать не изображением, а самым актом преображения.

Заключение. Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что А. Н. Скрябин является не просто композитором, испытавшим влияние идей русского космизма, но одним из ключевых творцов этого направления, создавшим его самостоятельную — музыкально-мистическую — ветвь. В отличие от ученых и философов, оперировавших понятиями и логическими конструкциями, Скрябин говорил на языке звуков и образов, делая идеи всеединства, антропокосмизма и теургии доступными для эмоционального переживания.

Его творческая эволюция — от психологических этюдов к «Поэме экстаза» и далее к «Прометею» и «Мистерии» — это путь расширения человеческого сознания до вселенских масштабов. Скрябин не просто отражал реальность, но активно творил ее, моделируя в звуке и свете образ одухотворенного космоса. Его новаторство в области гармонии (прометеев аккорд, искусственные лады), ритма и синтеза искусств было не самоцелью, а средством воплощения философской концепции.

«Влияние Скрябина на мир музыки XX века было мощным и всепроникающим» [Узикова, 2016: 242] именно потому, что он сумел перевести абстрактные философские идеи на язык музыкальных образов, доступный коллективно (соборному) переживанию. Сегодня, когда человечество вновь стоит перед необходимостью выработки целостного мировоззрения, способного объединить науку, философию и искусство, обращение к наследию Скрябина становится не просто академическим интересом, а насущной потребностью. Его музыка — это послание из будущего, напоминание о том, что человек — не пылинка в бесконечном космосе, а микрокосм, в котором отражается вся Вселенная. И от того, насколько глубоко мы сможем осознать это единство, зависит не только наше будущее, но и будущее всей планеты.

Библиографический список / References

- Гачева А. Г. Искусство как миро- и телостроительство в философском и художественном космизме. Статья вторая // Вопросы культурологии. 2020. № 11. С. 34—48.
(Gacheva A. G. Art as world and body transformation in philosophical and artistic cosmism. Article 2, *Questions of Cultural Studies*, 2020, no. 11, pp. 34—48. — In Russ.)
- Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 195—390.
(Losev A. F. Music as a subject of logic, in Losev A. F. *From Early Works*, Moscow, 1990, pp. 195—390. — In Russ.)
- Назаров А. Г. Творчество В. И. Вернадского и музыка С. В. Рахманинова: на пути к единству человечества // Ноосферные исследования. 2023. № 2. С. 8—11.

(Nazarov A. G. The works of V. I. Vernadsky and the music of S. V. Rachmaninoff: on the way to the unity of mankind, *Noospheric Studies*, 2023, no. 2, pp. 8—11. — In Russ.)

Соколов В. Г. Космизм в изобразительном искусстве: истоки, сущность и перспективы // Вестник культурологии. 2021. № 4 (99). С. 114—147.

(Sokolov V. G. Cosmism in the fine arts: origins, essence, and prospects, *Bulletin of Cultural Studies*, 2021, no. 4 (99), pp. 114—147. — In Russ.)

Томша З. А. Космизм как явление в музыкальной культуре России // Проблемы Русского космизма: материалы Международной научно-общественной конференции. Москва, 8—11 октября 2013. М.: Международный центр Рерихов, 2016. С. 234—241.

(Tomsha Z. A. Cosmism as a phenomenon in the musical culture of Russia, in *Problems of Russian Cosmism: Proceedings of the international scientific and public conference*. Moscow, October 8—11, 2013, Moscow, 2016, pp. 234—241. — In Russ.)

Трифонова Г. С. Русский космизм как мировоззрение художников «Амаравеллы» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 30 (247). С. 85—90.

(Trifonova G. S. Russian cosmism as a worldview of the artists of “Amaravella”, *South Ural State University Bulletin. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 2011, no. 30 (247), pp. 85—90. — In Russ.)

Узикова О. В. Космизм в музыке Александра Николаевича Скрябина // Проблемы Русского космизма: материалы Международной научно-общественной конференции. Москва, 8—11 октября 2013. М.: Международный центр Рерихов, 2016. С. 242—248.

(Uzikova O. V. Cosmism in the music of Alexander Nikolayevich Scriabin, in *Problems of Russian Cosmism. Proceedings of the international scientific and public conference*. Moscow, October 8—11, 2013, Moscow, 2016, pp. 242—248. — In Russ.)

Чупахина Т. И. Музыкально-философские откровения скрябинской поэмы // Вестник Омского университета. 2009. № 2. С. 19—24.

(Chupakhina T. I. Musical and philosophical revelations of Scriabin's poem, *of Omsk University Bulletin*, 2009, no. 2, pp. 19—24. — In Russ.)

Шапошникова Л. В. Тернистый путь Красоты. М.: МЦР: Мастер-Банк, 2001. 320 с.

(Shaposhnikova L. V. *The Thorny Path of Beauty*, Moscow, 2001, 320 p. — In Russ.)

Шапошникова Л. В. Метаисторическая живопись Н. К. Рериха. М.: Международный центр Рерихов, 2013. 448 с.

(Shaposhnikova L. V. *Metahistorical painting of N. K. Roerich*, Moscow, 2013, 448 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Митрофанова Стефания Андреевна — студентка, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, stefaniyavoice@gmail.com

Mitrofanova Stefania Andreevna — student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, stefaniyavoice@gmail.com